

Фото Павла Крюкова

Олег Чухонцев

Ясным утром

Осенью 1958 года, то есть шестьдесят лет тому назад, в нашей литературе случилось событие, без которого невозможно обойтись при составлении даже самого краткого биографического текста об Олеге Чухонцеве.

У двадцатилетнего поэта и уроженца древнего Павловского Посада вышла тогда первая журнальная публикация. Скоро он подготовил и книжку под названием «Замысел», но её быстро «зарубили». Та же участь постигла и его следующий сборник «Имя».

Власти не простили поэту стихотворения об опальном «полит-эмигранте» князе Андрее Курбском, оппоненте Грозного. Оно было опубликовано в январе 1968 года «Юностью».

...Итак, самая первая подборка стихотворений Олега Чухонцева в ноябрьском номере «Дружбы народов» за 1958 год называлась «Худо это или здорово...». В новом веке он благодарно обмолвился о своём дебюте в этом же издании, подчеркнув, что «...Поэт всегда находится со своим временем в конфликтных отношениях. Любим поэт. С любым временем. Тема родины — тема времени тоже...»

Заметим, что в том старинном ноябре, когда «Дружба народов» напечатала стихи Чухонцева, — редакция «Нового мира» расправилась на своих страницах с Борисом Пастернаком, объясняя автору отвергнутого по указке властей «Доктора Живаго» контрреволюционную сущность его заветного романа.

Прошли годы. В разгаре горбачевской («процесс пошел!») «перестройки» «Доктор Живаго» был триумфально напечатан тем же «Новым миром». В начале 2000-х Олег Чухонцев получил национальную литературную премию «Поэт». В его библиографии — более десяти книг.

Перечитайте потом первое стихотворение, выбранное нами из цикла «Осьмерицы».

Оно о времени и о поэте. Насчёт «халата» и «того уж нет» — подсказу: князь Петр Вяземский. «Эпитафия себе заживо» (1871) и «Жизнь наша в старости — изношенный халат...» (1877). Это не просто аллюзии-реминисценции. Это живая боль и живая жизнь.

Поздравляем Олега Григорьевича с его восьмидесятилетием — от всех нас и от наших «Строф». Спасибо за стихи из новой книги — с незаметным птичьим палиндромом в конце. **Ф.**

Павел Крюков,
заместитель главного редактора
журнала «Новый мир»
Рисунок Марии Заикиной

Из книги «Гласы и глоссы»
извлечения из ненаписанного

* * *

что-то все время падает с неба,
какие-то ветки, сучья и щепки —
птицы наверно строят жилье,
какой-то пух, и мусор, и вата —
это тополь цветет и сеют крупу
береза с осинкой, и ель трусит;

а то разбудят удары по крыше —
яблоки поспевают и глухо
о землю слива стучит в саду,
или падают шишки еловые — белка
по ветвям проскакала, махнув хвостом,
а это дятел лущит сосну
и сыплется сколки коры с шелухой...

вот ветер проборошит вершины,
а за ним забухают по лопухам
капли, как желуди с дуба — как я
мог забыть о них, желудях, — наконец,
все смешав, задожжит, затрещит, захлещет
что-то неназываемое — скорей
закрывай все окна, воткни в ячейки
шпингалеты рам и проверь запор,
чтоб не дать сквозняку разгуляться в доме,
и попробуй прилечь на тахте в углу
и забыться, забыться...

а ясным утром
вдруг услышишь: падает мокрый лист
и кристаллики снега медленно, медленно
замелькают в воздухе, золотятся
в просверках солнечной паутины,
выйдешь, смотришь — и не узнаешь:
все — до рези в глазах — побелело за ночь,
и такое чувство, что вдруг попал
в другое место, в другое время
даже не года — координат;

только одно и утешит — слышишь? —
голову подымы — а там
что-то поскрипывает, но тихо,
как про себя, но живет, живет
собственной жизнью...

жизнь — это шум
и ничего другого...

во соло — грохот! — то хор голосов

Из цикла «Осьмерицы»

*

Когда повитертый изрядно
халат вдруг сделался тяжел,
жизнь, кажется, пошла обратно,
процесс пошел,

и где, в конце ли ты, в начале —
расхожий вроде бы сюжет:
того, которого вы знали,
того уж нет.

*

Посылку так завяжут, что сорвешь
все ногти, но читай, читай послание
по узелкам, ни ножницы, ни нож —
ни-ни, — читай руками, и заранее
не зная, что там, мыло, чайный сбор
иль полотенце, вышитое крестиком,
читай как *Отче наш* — и дух просфор
ты в сухарях найдешь, и вкус опресноков...

Ходики что ли там?.. на рассвете
иней стаивает на фрамугах...
после семидесяти — думай о смерти,
после восьмидесяти — о недугах...

Кто — и не помню: Солон? Авсоний? —
верно, последний, но помню строки,
впрочем, кому солоней, бессонней,
знает лишь Тот, в Чьей руке все сроки.

Мой ли Спаситель, твой ли Создатель,
я бы назвал Его Кормчим Братом,
ведь и центонов и од слагатель
падалью кормится, плагиатом.

Дожил, так слушай, какой у музы
голос, уж точно: не песня песней —
ортопедические рейтузы
и немота ей куда уместней.

Если не вынесут из больницы,
если я сам за ворота выйду,
я дочитаю Твои страницы
и от себя сотворю молитву,

ибо Дарующий долголетье
большого ждет и от нас отдарка.
А за гражданской гоняться медью —
годы последние тратить жалко.

Если все и там поодиночке
начинают с чистого листа,
Господи, к чему мне эти строчки,
раз я и во гробе сирота?

Я не сирота с Тобюю, Отче,
но родного встречу ли отца,
мать свою увижу ли воочью
там, где Ты, и есть ли без лица

хоть одна душа, по кой скучаю?
и когда стою пред алтарем,
чаю воскрешенья мертвых, чаю,
Господи, но в обличье своем.

